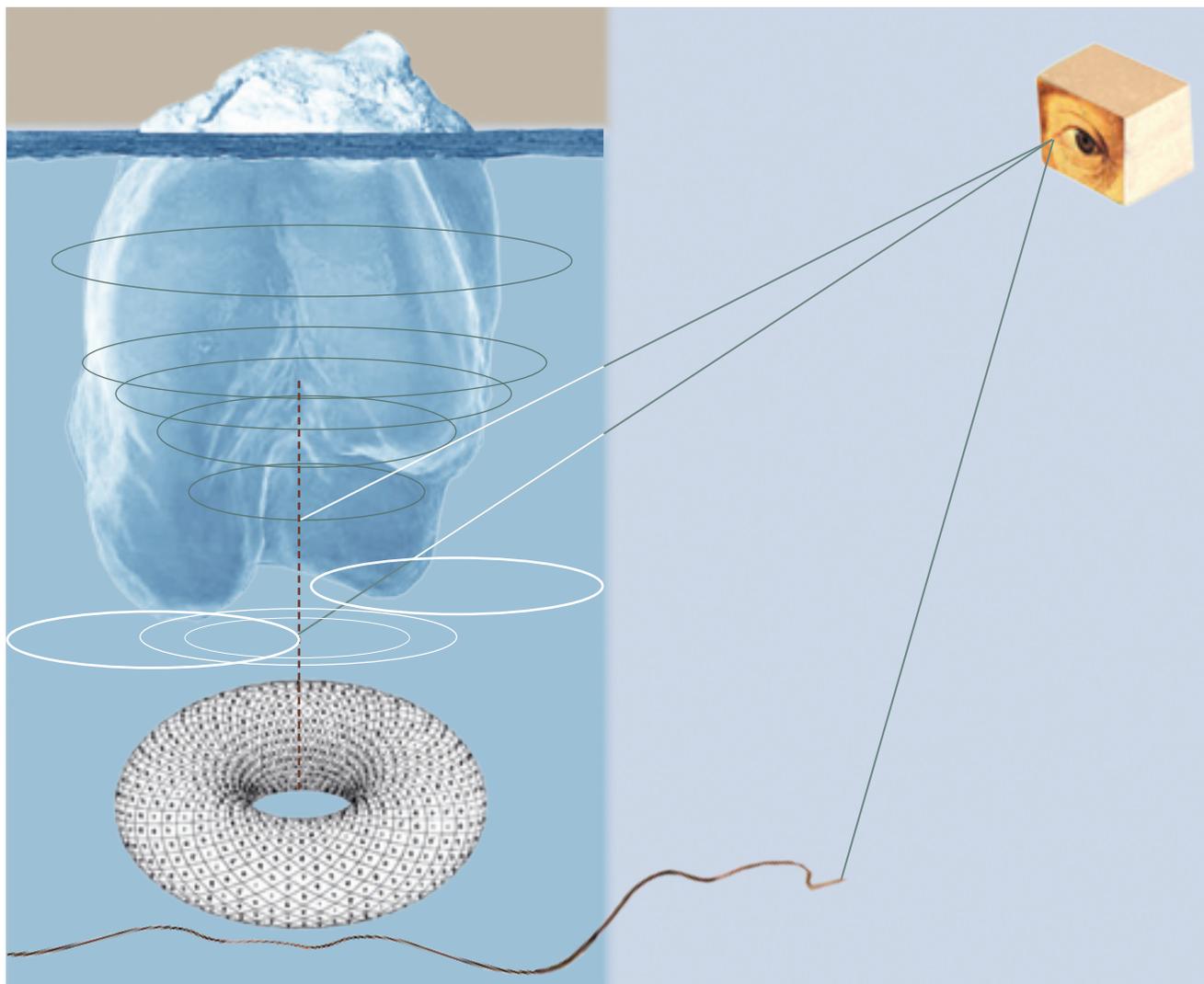

Многослойный причинный анализ: на пути к теории «множественного»

Маркус Бассей

Многослойный причинный анализ (causal layered analysis, CLA) — ключевой метод глубоких исследований будущего (deep futures), являющихся, по мнению многих экспертов, перспективным направлением развития Форсайт-исследований. Он направлен на выявление скрытых первопричин происходящих событий, создавая информационную основу для принятия эффективных решений.

В статье рассматриваются сущность, характеристики и потенциал этого метода путем сопоставления с концепцией «ризомы» (rhizome) как способом познания гибридной и множественной природы реальности. Многослойный причинный анализ является «методом множественного» (method of the multiple) — процессной теорией знаний, призванной исследовать возникновение новых явлений и построение альтернативных сценариев будущего.

Маркус Бассей — преподаватель истории и футурологии, факультет искусств и бизнеса; научный сотрудник, Центр исследований устойчивого развития Университета Sunshine Coast (University of the Sunshine Coast), Австралия. E-mail: MBussey@usc.edu.au.

Адрес: University of the Sunshine Coast, Locked Bag 4, Maroochydore DC, Queensland, 4558 Australia.

Ключевые слова:

Форсайт;
многослойный причинный анализ;
метод множественного;
ризома;
контекст;
субъекты;
трансформация.

В качестве отправной точки для более глубокого изучения многослойного причинного анализа как «метода множественного», который предлагает ориентированную на процесс теорию со сбалансированными возможностями (*libratory possibilities*), рассмотрим предположения, базирующиеся на работах французских философов Жилля Делёза (Gilles Deleuze) и Феликса Гваттари (Felix Guattari):

- CLA — основа для осознания и активизации «критического действия» (*critical agency*);
- обладая межцивилизационной и междисциплинарной природой, CLA успешно решает структурные и постструктурные проблемы.

Для характеристики многослойных возможностей, имманентных для любого контекста, Ж. Делёз и Ф. Гваттари вводят метафору «ризомы»¹. Важность этого наблюдения в том, что оно доказывает первое из вышеупомянутых утверждений, которое требует предметного понимания пространства, находящегося между деятельностью и структурой, выстроенной в жесткой бинарной геофилософии Запада [Bussey, 2008].

Ориентированность данной работы на процесс является множественной по природе и понимается сквозь призму «ризомы» — концепции, позволяющей осознать процессы природного и культурного наследования. Основой второй предпосылки является ризоморфный процесс. Гибридность CLA подразумевает сближение структурных и постструктурных проблем и вместе с тем отражение междисциплинарной и межцивилизационной перспектив.

Далее проанализируем отмеченные сюжетные линии, очерчивающие таксономические и процессные функции CLA, и сформулируем теорию процессов, структурирующую его возможности. Чтобы очертить философские условия рассматриваемой теории, обратимся к учению Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Предложенные ими взаимосвязанные концепции — «ризомы» и «карты» — позволяют рассуждать о CLA как о достаточно гибком и надежном инструменте, учитывая его критический и сбалансированный потенциал. Изучение CLA во многом позволяет понять концепцию «ризомы», обращение к которой, в свою очередь, углубляет его понимание. В статье также описывается концепция «карты», в которой раскрываются ризоморфные возможности многослойного причинного анализа [Deleuze, Guattari, 1987]. Таким образом, мы фокусируемся на практической «ризоме», которую Ж. Делёз и Ф. Гваттари считают антиметодом [ibid., p. 21].

CLA выполняет функцию «карты» процесса, где сам процесс является ризоморфным². Притом что контекст всегда является уникальным и бесконечно разнообразным, он легко прочитывается при помощи многослойного причинного анализа, который можно рассматривать и как «метод множественного», и как процессную теорию для переосмысления социального обучения. CLA — инструмент глубинных исследований

будущего, поскольку раскрывает влияние человека на контекст и вклад последнего в формирование смысла. Тем самым он служит интерфейсом между деятельностью и структурой. Благодаря способности к генерации смысла в ходе такого взаимодействия деятельности и структуры CLA приобретает оптимальное значение для изучения «критического действия».

Общая характеристика CLA

Метод многослойного причинного анализа был разработан Сохаилом Инаятуллоу (Sohail Inayatullah) как результат теоретизации понятия «многослойной онтологии», предложенного Прабхатом Саркармом (Prabhat Sarkar) [Inayatullah, 2002; Ramos, 2003]. С помощью данного инструмента проводится структурный анализ специфических контекстов. В качестве теории он описывает социальное пространство, которое привязывает контекст к эпистемологическим и онтологическим предположениям о реальности. Кроме того, CLA придает глубину теоретическому исследованию социальной среды, предпринятому Ж. Делёзом и Ф. Гваттари: в основе их доводов лежит понятие «имманенции» (*immanence*) [Deleuze, Guattari, 1994, p. 40], а концепция выстроена вокруг нее, поскольку «это не мыслимый или потенциально мыслимый концепт, но образ мысли, тот образ, посредством которого она сама себе представляет, что значит мыслить... обращаться с мыслью, ориентироваться в мысли...» [ibid., p. 37]

Исходя из концепций многослойного неогуманизма [Bussey, 2006], постструктурного генеалогического анализа [Foucault, 2005] и макроистории [Galtung, Inayatullah, 1997] С. Инаятулла предлагает способ извлечения «образа мышления» посредством CLA. Тем самым он оформляет онтологические предпосылки к мышлению и действию в виде теории, связывая их с мифическими, метафорическими сюжетами, традициями и локальными контекстами, генерирующими, в свою очередь, замысел либо действие. Подобная теоретизация, особенно если она проводится в реальных условиях с субъектами, находящимися в общем контексте, демонстрирует трансформационную и динамичную природу CLA как процессной теории знаний, способствующей созданию новых состояний и альтернативных сценариев будущего [Bussey, 2010a].

Многослойный причинный анализ выполняет две родственные, но при этом четко разделенные функции в рамках так называемого «шаманского» мышления о будущем (*shamanic futures thinking*) [Bussey, 2009]. В роли таксономии он, несомненно, предстает академическим упражнением, действенным с аналитической точки зрения, но контекстуально пассивным. Будучи процессной теорией, CLA склонен производить социальные трансформации, стимулируя «критическое действие» в открытой и динамичной среде. Эти процессы часто взаимосвязаны и создают простой цикл обратной связи, способствующий появлению рефлексивного, контекстного самосознания. В методологическом

¹ Ризома — специфическая форма корневища, не обладающая четко выраженным центральным подземным стеблем. Концепция «ризомы» — одно из ключевых понятий философии постструктурализма и постмодернизма, предложенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в одноименной книге [Deleuze, Guattari, 1987] в противовес понятию «структура» как четко систематизированному и иерархически упорядочивающему принципу организации. — Прим. ред.

² «Ризома» имеет отношение к «карте», которая должна быть произведена, сконструирована, всегда демонтируема, связуема, пересматриваема, модифицируема — в множественных входах и выходах со своими «линиями ускользания» [Deleuze, Guattari, 1987, p. 21].

плане CLA выражает базовые допущения и метафоры, определяющие наши представления о будущем и соответствующие действия. В качестве инструмента эпистемологического контроля выявляются скрытые предположения, побуждающие культуру к возникновению определенного рационализма, используемого при решении проблем. Подобные системы являются сложноподчиненными и рефлексивными зонами осмысления, в терминологии С. Инаятуллы — «слоями», которые могут определять реальность и формировать идентичность субъектов, находящихся в том или ином контексте.

Структура CLA

С. Инаятулла представляет многослойный причинный анализ в виде айсберга. Его верхушкой является «констатация факта» (litany), под которой располагаются системный, парадигмо-мировоззренческий и мифо-метафорический уровни. Проблемы, обсуждаемые в СМИ и в семейном кругу, как правило, лишь поверхностные отражения глубинных факторов. Уровень *констатации факта* характеризуется такими свойствами, как публичность, официальность, нередко хаотичность и отсутствие связей; ассоциируется с «нормальными» явлениями, при этом всегда уникален. Например, насилие в школах не связывается с проблемой жилищных условий в том или ином районе. Любое его проявление воспринимается обособленным, дискретным; трактуется как случайное, неожиданное и неконтролируемое. На этом уровне речь идет исключительно об индивидуальном действии. Однако в стремлении решить проблему следует обратиться к *системному* уровню и выявить политические, бюрократические и правоохранительные структуры и процессы, способные ею «управлять». Таким образом, применительно к насилию в школах в фокусе системного ответа оказывается ужесточение дисциплинарной ответственности для учащихся, учителей и учебных заведений в целом либо усиленная финансовая поддержка со стороны ведомств опеки детей. Подобный системный ответ охватывает политические, социальные, правовые и экономические аспекты. На системном уровне действие требует управления, а физическое лицо выступает в качестве заказчика и становится «одним из многих».

Крайне редко «взор» общественности обращается к *мировоззренческому* уровню — пространству теоретиков, политологов и философов. События вроде насилия в учебных заведениях рассматриваются ими в качестве дискурса и трактуются по отношению к культурным системам власти, порождающим контексты,

где это явление выглядит неизбежным и, фактически, ожидаемым. В подобном дискурсе проблема насилия воспринимается как естественная для валидации и поддержки определенных форм власти и институтов. Здесь авторитарность, патернализм и национализм противопоставляются эгалитаризму, видению единства и универсализму. Следовательно, это область «-измов». В ответ на доминирующие мировоззрения рождаются новые формы сознания, тогда как действия носят коллективный и контекстуализированный характер. Индивидуальность хотя и признается, но рассматривается как «вариация на тему», определяемая культурой и историей.

Наиболее глубинный слой — *мифо-метафорический*, который «скрыт под водой» и трактуется в терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари как «предфилософский», — область «бессознательного понимания» (unconscious awaгeness), где при помощи глубинных сюжетов логика, репрезентация, дискурс и идентичность опираются на комфортные и наполненные смыслом мифы и метафоры. Так, насилие в школах трактуется сквозь призму истории отца, преданного своим ребенком, что влечет одну из двух реакций — требование адекватной кары (Ветхий Завет) или призыв к «блудному сыну» (Новый Завет): первый сюжет предполагает возмездную, а второй — «улучшающую» справедливость. На этом уровне действие носит мифический характер и отвечает за различные архетипы, такие как «Отец» или «Слуга». С таксономической точки зрения многослойный причинный анализ представляется в виде матрицы; рассмотрим ее на примере дискуссии о насилии в школах (табл. 1).

CLA в разрезе

CLA охватывает несколько жизненных сфер, которые можно применить в таксономических целях, позволяя актерам, действующим в определенном контексте, сформировать предпочтительные сценарии будущего, наметить траектории их достижения и определить меры, необходимые для этого на том или ином уровне. Выполняя теоретические и методологические функции, процесс многослойного анализа предлагает расширенный спектр действий для тех, кто участвует в процессе преобразований. Наряду с этим на гуманитарном уровне он побуждает участников к более глубокому осмыслению власти и идентичности. Приведенные в боксе 1 характеристики заслуживают более подробного рассмотрения.

«Ризома», являясь органической метафорой, отражающей сетевой, нестабильный и динамичный

Табл. 1. Многослойный причинный анализ насилия в школах

Уровень анализа	Реакция	Действие
Констатация факта	Карательные санкции, гипербола, случайный хаос	Индивидуальное/дискретное
Системный	Законы, правила, авторитет, порядок в противовес беспорядку	Управляемая персона, индивид как «один из многих», заказчик
Мировоззренческий	Институты порождают насилие и оказывают насилие. Мир — это место насилия, нуждающееся в правилах, силе и порядке. Авторитаризм противостоит анархии либо панархии	Коллективное действие, контекст обусловлен культурой и историей
Мифо-метафорический	Авраам; Зевс, убивающий своего отца; «Отец»	«Отец», «Слуга»

Источник: составлено автором.

Бокс 1. Свойства и функции CLA

Методологический и теоретический уровень:

- CLA является как таксономическим методом, так и ризоморфной процессной теорией. «Ризома» используется для описания процессов в пределах слоев и связей между слоями.
- CLA имеет структурную форму, но постструктурный характер. Иными словами, он предлагает четкую структуру для анализа социальных процессов, однако сами процессы рассматриваются как многогранные и дискурсивные.
- Будучи гибридным методом, CLA поддерживает гетеротопное пространство, возникающее в результате «шаманского» мышления о будущем, которое обнажает многогранность и гибридность тех или иных контекстов. Структура признается, но прочитывается сквозь постструктуральную призму и выглядит как хрупкая и изменчивая.
- CLA отражает зарождающийся потенциал, стимулируемый серией парадоксов, подчеркивающих ограниченность языка и философии Запада для эффективного управления социальными процессами и участия в них индивида.
- В качестве трансформационной практики, CLA действует и деконструктивно, и реконструктивно.

Процессный уровень:

- Каждый уровень многослойного причинного анализа обладает ризоморфным потенциалом в плане «имманентности».
- Переход по уровням в соответствии с причинными цепочками наглядно выражается концепцией «линии ускользания» (line of flight) [Bussey, 2004, p. 3ff] и признает имманентную креативность всех контекстов на любых плоскостях.
- Действие осуществляется на всех уровнях в соответствии с контекстом.

Гуманитарный уровень:

- CLA — аналитический инструмент, ориентированный скорее на изучение социального противостояния отдельных акторов (ранее упомянутых «линий ускользания»), чем на «выхолащивание» теоретических рамок. Это обусловлено тем, что социальные явления рассматриваются как структурированные и управляемые посредством языка, идеологии и индивидуальности.
- Следуя «линиям ускользания», в ходе CLA определяется местоположение действия на каждом ризоморфном слое.

характер социальных процессов, предлагает концептуальную модель для понимания сложного и обширного набора возможностей. Следовательно, «ризомное мышление» (*rhizomic thought*) восприимчиво к уникальности контекста, которую Ж. Делёз и Ф. Гваттари называют многогранностью (*multiplicity*) [Deleuze, Guattari, 1987, p. 8]. Ученые также признают, что активность «ризомы» имеет место в макро- и микроконтекстах человеческого выражения. Поэтому «ризомы» может функционировать в цивилизационном масштабе, подобно концепции демократии с ее долгой и неоднозначной историей, в зависимости от времени и места. К тому же она проявляется на микроуровне психологии человека в виде желания либо представления о себе. Чтобы отразить связи между различными иерархиями бытия, упомянутые авторы используют аналогию с куклой и кукловодом [*ibid.*]. Ж. Делёз и Ф. Гваттари утверждают, что «ризомы» делокализуются на стыке контекстов и затем релокализируются в новой среде [*ibid.*, p. 9], которая является уникальной благодаря наличию других «ризом» — специфических с исторической точки зрения условий, отсутствовавших в предыдущем контексте.

Каждому уровню CLA свойственны характеристики «ризомы», поскольку уникальные конфигурации зависят от контекста и открыты для делокализации, которая выступает в свою очередь прелюдией к трансформации, другими словами, релокализации. Следовательно, связи CLA — одна из форм взаимообогащающего взаимодействия.

Разработка CLA как процессной теории

Перейдем к характеристике критического потенциала CLA, который может проявляться и в таксономическом, и в процессном аспектах. Многослойный причинный анализ предлагает горизонт критического исследования, играя центральную роль в любом переосмыслении «критического действия» на культурном и общественном уровнях. Подобное переосмысление, по своей сути ориентированное на будущее, действует как утопическая идея, в терминологии Луиса Марина (Louis Marin) [Marin, 1990]. Такой горизонт мотивирует исследователей в теоретическом плане, тогда как в основе их практических интересов лежат структурные условия неравенства, неблагополучия и насилия [Giroux, 1988; Hooks, 1994; McLaren, 2003; Apple, 2004; Anyon, 2009]. «Критическое действие», генерируемое возможностями CLA, предполагает наступление «критического состояния» как противоядие от разворотов, регулярно происходящих в процессе развития цивилизации. Ориентированность на будущее, возникающая из переосмысления «критических действий», порождает логику, в которой критическая практика бросает вызов настоящему, подвергая сомнению его идентичность (*identity*) или «становление» (*becoming*). «Критическое действие» стремится делокализировать настоящее состояние любого социального контекста с целью раскрыть смысл критического для человеческого потенциала во всем его разнообразии [Giri, 2006, 2011]. Кроме того, как иронично замечают Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Создавать — значит сопротивляться»

[Deleuze, Guattari, 1994, p. 110]. Если же следовать их утверждению, что «философия начинается с создания концепции» [ibid., p. 40], то напрашивается вывод: философия развивается вопреки сложившемуся порядку вещей [Bussey, 2014].

При помощи CLA моделируется критическая установка, которая в корне меняет сложившиеся привычки, приводя в замешательство самого субъекта перемен. В этом случае настоящее воспринимается и представляется как эфемерное и более тесно связывается с прошлым, чем с будущим. «Критическое действие» порождает трансформацию, ведущую к разрыву с прошлым. Многослойный причинный анализ способствует этому процессу «отчуждения» (becoming strange), картируя «ускользающее настоящее» (present-that-is-already-passing) как общий и уникальный момент. Он объединяет «экспериментирование и контакт с реальностью» [Deleuze, Guattari, 1987, p. 12]. Следуя этой логике и одновременно опровергая ее³, CLA предлагает инструмент для проявления новых возможностей при помощи «ризомы». Социальная реальность являет собой цепочку «прошлое — настоящее — будущее — становление» и заключена в сложных конструкциях, предметах, желаниях. По этой причине трудно эффективно проводить линейный анализ, позволяющий оценить степень постоянства либо переменчивости. CLA — своеобразная ризоморфная машина, позволяющая картировать пересечения постоянного и переменного, которые определяют социальную область и играют «в прятки» с исследователем.

Картирование создает ландшафт, что может рассматриваться не только в географическом плане, но и как культурная деятельность. Френсис Хатчинсон (Francis Hutchinson), обращая внимание на данный факт, утверждает, что «с образной и генеалогической точки зрения наши руководящие образы можно рассматривать как формы культурных “карт”. Они “натурализуют” нашу ориентированность на природный и социальный мир, шаги, предпринимаемые в повседневной жизни, и предполагаемые траектории движения в будущее» [Hutchinson, 2005]. Рассматривая «карты» как объекты культурной политики, Ф. Хатчинсон считает значимой задачей развитие критического понимания механизмов, посредством которых контекст определяет «возможное». Размышления о различных вариантах будущего как о широком спектре возможностей, расходящихся от критического континуума, позволяют осведомленным в контексте актерам предпринимать «критические действия» [Bussey et al., 2012]. Для Ф. Хатчинсона это означает создание «траектории рациональных ожиданий» (pathways of practical hope): «с точки зрения критической футурологии и “образования в духе мира” (peace education), важно не создавать лабиринты фатализма, навязывая определенную точку зрения, а обсуждать “траектории рациональных ожиданий”» [Hutchinson, 2005, p. 10].

Потенциал CLA возрастает, если его рассматривать как «карту», выполняющую ряд функций:

- создание «траекторий рациональных ожиданий» благодаря ориентированности на процесс;

- картирование эпистемологического контекста;
- наделение акторов способностью изменять контекст;
- использование энергии «ризомы» для познания контекста и его трансформации.

Далее проиллюстрируем картографические возможности CLA в случае пересечения его ризоморфных функций с концепцией «карты» в понимании Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

«Карта»: является ли CLA ризоморфным?

Ж. Делёз и Ф. Гваттари описывают «карту» следующим образом: «“Карта” не воспроизводит бессознательное, замкнутое в самом себе, она его конструирует и способствует соединению полей, разблокированию “тел без органов” (bodies without organs), их максимальной открытости в плане “консистенции” (consistency). Она сама является частью “ризомы”. “Карта” открыта, объединяет все свои измерения, она подвижна, перемещиваема, восприимчива к изменениям. Любой индивид, группа, социальная формация может разорвать ее, перевернуть, собрать любым образом, подготовить к работе. Можно нарисовать ее на стене, отнестись к ней как к произведению искусства, сделать из нее политическую акцию или тему для размышления. Это, вероятно, одно из наиболее отличительных свойств “ризомы” — всегда иметь множество выходов. Нора в этом смысле — животная “ризома” и иногда демонстрирует четкое различие между “линией ускользания” как коридором для продвижения и пространством обитания. В отличие от “кальки” (tracing), которая всегда возвращается “к тому же самому”, у “карты” много выходов. “Карта” имеет дело с успешностью, тогда как калька всегда отсылает к так называемой “компетенции”» [Deleuze, Guattari, 1987, pp. 12–13].

Нетрудно увидеть, насколько многослойный причинный анализ подходит под это описание «карты-ризомы». Во-первых, он открывает пространство для нетрадиционных подходов, выходящих за рамки устоявшихся правил. Во-вторых, расширяет спектр возможностей, а не диктует ход событий в определенных рамках. В-третьих, идентифицирует локусы, вокруг которых агрегируется смысл в цепочке «проходящее — частичное — настоящее», при этом избегает предопределенности, позволяя участникам цепочки «нора — ризома» в рамках CLA идентифицировать себя отчасти как «помещенных в контекст» (здесь нет понятия «снаружи»). В-четвертых, можно утверждать, что гибриды вроде CLA являются «ризомой» по определению. Гибридный CLA реализует свой потенциал в качестве «карты», но не исчерпывая его и не ограничиваясь им. Рассмотрим этот потенциал подробнее, комментируя вышеприведенные тезисы Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

«Карта не воспроизводит бессознательное, замкнутое в самом себе, а конструирует его».

Многослойный причинный анализ тестирует мифические, метафорические и бессознательные либо предсознательные аспекты культуры, представляя этот

³ Выглядит парадоксально! Ж. Делёз и Ф. Гваттари утверждают, что необходим метод, одновременно декларируя, что «ризома» является антиметодом. Предлагая объекты для ризоморфного процесса, CLA действует, как бутылка для нестабильного химического вещества.

уровень как основополагающий, который заряжает человека энергией, мотивирует к творчеству. Если он реализуется в очной форме, участникам предлагается сгенерировать, идентифицировать и реконструировать собственные мифы. В этом случае неосознаваемые факторы социально-институционального контекста становятся «видимыми» не как «вещи», а как процессы и стимулы, возникающие и исчезающие по мере разворачивания процесса. Настоящее становится условным, действие возвращается как бессознательное вместе с сознательным «я», которое в свою очередь становится спорным, подвергается сомнению и становится открытым для перемен.

Аналогично при помощи CLA как эпистемологического инструмента картируются установки, умозаключения и ассоциации. Как подчеркивает С. Инаятулла, «задача в том, чтобы показать: реальность меняется по разным причинам, а реализация конкретного “настоящего” означает то, что не осуществились его другие варианты. Поэтому в любой заданный момент подход “что если” представляется навязыванием, замалчиванием разнообразных путей мышления, действия, реализации альтернатив [Inayatullah, 2004].

CLA позволяет отслеживать «линии ускользания», предлагая генеалогию, деконструкцию и метарефлексивные возможности, которые разрушаются при столкновении с социальной либо индивидуальной цепочкой. Следовательно, «кальки», на которые ссылаются Ж. Делёз и Ф. Гваттари — простые гравюры на стене пещеры, в то время как CLA предлагает «грубое приближение» к пещере. Намек на такое пещерное пространство присутствует в известной картине Пикассо «Минотавр», в которой бестелесная пара рук может и призывать, и отвергать. Они еще сами не определились и в некотором смысле отражают метафору «тело без органов», предложенную Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1987, p. 149ff]. CLA картирует условность нашего социального мира, инициирует «критическое действие», предлагая возможный способ сконструировать «бессознательные» условия, которые приносят согласованность в социально-индивидуальную диалектику.

«Карта способствует соединению полей, разблокированию “тел без органов”, их максимальной открытости в плане “консистенции”».

CLA действует тем же образом, что и концепция «консистенции», упоминаемая Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Первый признает наличие слоев, а вторая — страт [ibid., p. 69]. Ландшафт наносится на «карту» в рамках обеих концепций и является парадоксально неопределенным, тогда как С. Инаятулла допускает, а по сути, настаивает на нормативном аспекте CLA, выступая за «комплексный подход к методологии, не опирающийся на специфические представления конкретного исследователя. Это не поворот к постмодерну, в котором все методы или подходы имеют одинаковую силу и ценность: иерархия не утрачивается, “вертикальный взгляд” (vertical gaze) сохраняется.

Но она бросает вызов власти над другими и изолирует иерархию от феодальных либо традиционных режимов... Способы порождения определенных проблем мифами, мировоззрением и социальным контекстом остаются основополагающими» [Inayatullah, 2004, pp. 2–3]. Оба подхода, однако, прослеживают связи и свободно их используют для создания концепций, ассоциаций, информационных каналов; выявляют разрывы и асимметрии. Ж. Делёз и Ф. Гваттари пишут настолько поэтично, что их метафоры вступают в противоречие и провоцируют — имеют страты, но не иерархичны; концепцию «консистенции» можно легко трактовать как концепцию «инконсистенции». Тем не менее, они рассматривают «карту» как ризоморфную систему, которая изменчива, эклектична и трансгрессивна. Как уже говорилось, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, у «карты» имеется потенциал к «разблокированию “тел без органов”», или, по определению С. Инаятуллы, категорий идентичности. В ходе практической реализации CLA такие категории постоянно меняются, оспариваются, появляются новые сюжеты и связи, которые затем дестабилизируются: это «карта» потенциальных возможностей, равно как и метод релокализации идентичности и деятельности.

«Сама “карта” является частью “ризомы”. Она открыта, объединяет все свои измерения, подвижна, перемещивается, восприимчива к изменениям. Любой индивид, группа, социальная формация может разорвать ее, перевернуть, собрать любым образом, подготовить к работе».

CLA — открытый процесс. Он применим и регулярно применяется в любом виде деятельности или теоретическом контексте; охватывает различные социальные аспекты; подобно «ризоме», создает одни связи с контекстом и субъективностью и разрывает другие. В этом смысле многослойный причинный анализ является конечной «картой». Но он имеет сверхъестественную способность, наподобие компаса Джека Воробья⁴, привести нас в желаемую реальность, а следовательно, обладает нормативной базой. Тем не менее, несмотря на признания относительности, философия Ж. Делёза и Ф. Гваттари мотивируется тем же стремлением, что и у С. Инаятуллы — дестабилизировать и проблематизировать режимы истины, чтобы высвободить творческий потенциал, которым обладает качественная «карта». Неявная нормативность «ризомы» заключается в ее направленности на извлечение: «из хаоса словно извлекается тень того “грядущего народа”, что призывают и искусство, и философия, и наука, — народ-масса, народ-мир, народ-мозг, народ-хаос. В глубине всех трех “не-” заложена “не-мыслящая” мысль, подобная неконцептуальному концепту у П. Клее или внутреннему безмолвию у В. Кандинского» [Deleuze, Guattari, 1994, p. 218].

Ризоморфные свойства CLA, его способность к трансформации, сдвигу контекста и идентичности обусловлены тем, что он, подобно хамелеону, может приобретать смысл, находясь в контексте. CLA не имеет

⁴ Джек Воробей — антигерой серии фильмов «Пираты Карибского моря». У него имеется компас, показывающий наиболее желаемое для него направление, однако это иногда приводит к комическому результату.

смысла, если объект отсутствует. Подобно «карте», он нуждается в территории, которую можно разметить, координатах и компасе, а также цели путешествия.

«Карту» можно нарисовать на стене, отнестись к ней как к произведению искусства, сделать из нее политическую акцию или тему для размышления».

Как любая другая «карта», CLA является аналогом реальности, но не в миметическом смысле, а скорее как абстрактное представление или символ, который конденсирует свойства реальности (знаки, контуры, формы) в систему символов. С. Инаятулла, представляя этот метод, сравнивает его с айсбергом и «проецирует на стену». Такой образ раскрывает, насколько ограничено наше восприятие реальности, напоминает всем участникам CLA, что многое, находящееся за повседневными фактами, остается неясным, неизведанным и недоступным. Большая часть фактов находится под прицелом того, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари характеризуют как «немой танец» (*silent dance*) [Deleuze, Guattari, 1987, p. 69] на чужой территории, над символической «картой», подобный ритуальным движениям индейцев пуэбло [Sando, 1998]. Стоящая за этим политика сбалансирована [Bussey, 2010b] **таким образом, чтобы выражать коагуляции власти либо знаний (*power/knowledge coagulations*) через герменевтику культурного пространства, созданного для раскрытия возможностей, а не их блокировки.**

«Пожалуй, одно из наиболее отличительных свойств “ризомы” — всегда иметь множество выходов. Нора в этом смысле — животная “ризома” и иногда демонстрирует четкое различие между “линией ускользания” как коридором для продвижения и пространством обитания. В отличие от “кальки”, которая всегда возвращается “к тому же самому”, у “карты” много выходов».

Бессодержательность CLA говорит о том, что он является конечной «ризомой» — все взаимосвязано, находится в движении, а направление связано с намерением. Подобно компасу Джека Воробья, многослойный причинный анализ является инструментом для достижения более оптимального места, желаемой цели, все еще открытой для новых интервенций. Это создает основу для творческой, непредопределенной гибкости, благодаря которой действия совершаются сквозь слоистые либо дискурсивные звенья цепочки «CLA — ризома — карта». Смещается и ответственность в практическом контексте. Как замечает С. Инаятулла: «Для каждого слоя характерен свой субъект решения проблемы. На уровне очевидных фактов это государство или корпорация, на социальном — партнерство между различными группами, мировоззренческом — люди или общественные объединения, а на мифо-метафорическом — лидеры или художники» [Inayatullah, 2007].

«Карта» имеет дело с успешностью, тогда как “калька” всегда отсылает к так называемой “компетенции”»⁵.

Наконец, в отличие от «кальки», которая может быть описательной, аналитической и конструктивной, CLA как «карта», обучающая превентивным действиям, бросает вызов властным структурам и основополагающим допущениям, часто бессознательно принимаемым лицами, группами и эпистемологическими сообществами (академиками) за неоспоримые [Ramos, 2003].

Перформативность многослойного причинного анализа связана с контекстом и демонстрируется, а не санкционируется, на местах. Нормативной базой для его применения является намерение создать инклюзивные социальные педагогики (*inclusive social pedagogies*), которые расширяют уровни институционального, социального и индивидуального действий, являясь важным гарантом для такой установки⁶.

Построение «метода множественного»

«Шаманское» мышление о будущем стремится трактовать деятельность в рамках контекста как реляционное выражение. CLA, будучи «ризомой» и гибридной «картой» контекста, хорошо адаптирован для поддержки этого процесса. Гибридность определяет процессную природу внутреннего мира человека, поскольку является результатом ризоморфного столкновения.

Изучая работу Ж. Делёза и Ф. Гваттари, мы показали, что CLA — полезный инструмент для понимания ризоморфного процесса, благодаря которому появляется то, что они описывают. В рамках CLA встречаются гетеротопическое, имманентное, межцивилизационное и междисциплинарное измерения как неотъемлемая часть его природы и процесса реализации. Тем самым многослойный причинный анализ четко соответствует критериям, определенным Ж. Делёзом и Ф. Гваттари для метода достижения «множественного»: «Чтобы постичь “множественное”, нужно иметь эффективный метод его создания. Никакое типографское ухищрение, ни один лексический прием, смесь либо создание новых слов, никакое синтаксическое нововведение не могут его заменить» [Deleuze, Guattari, 1987, p. 22]. Подобный метод создается благодаря гибридной и гетеротопической природе CLA. Следовательно, облегчается критический анализ, обеспечивающий условия для расширения жизненных возможностей и порождающий «критическое действие», необходимое для практической «критической педагогики».

Чтобы продемонстрировать степень соответствия между CLA и «ризомным мышлением» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, мы показали, что CLA функционирует как «карта» — инструмент для конструирования множественности и ее теоретизации, выходит за пределы таксономического и схематического метода, становится процессной теорией перемен. Он предлагает способ прагматического мышления о «критическом действии» в контексте как часть педагогики возможностей (*pedagogy of possibilities*) [Bussey et al., 2012].

Для более детальной концептуализации CLA как «множественного» рассмотрим вирусную природу «ризомы». Будучи ризоморфной педагогией, указанный метод одновременно играет роль вектора и вируса.

⁵ Все разделы, в которых ведется вышеприведенная дискуссия, взяты из работы [Deleuze, Guattari, 1987, p. 12–13].

⁶ Такие возможности искусно продемонстрированы в работе Патрисии Келли (Patricia Kelly) на примере студентов [Kelly, 2008].

Ж. Делёз и Ф. Гваттари развивают идею активности вирусов как «ризом», утверждая, что концепция «ризомы» и гибридные комплексы, такие как CLA, функционируют подобно вирусам [Deleuze, Guattari, 1987, p. 10–11]. Однако вирусы требуют человеческих контактов, «линий ускользания», чтобы возникнуть в социальном пространстве, или в так называемой «исключенной середине» (*excluded middle*) [Deleuze, Guattari, 1994, p. 22], которая служит контекстом для существования. CLA позволяет идентифицировать характеристики «критического агента» (*critical agent*) и формирует ощущение «зарождающегося критического пространства» (*emergent critical space*), являющегося одновременно множественным, последовательным, или в терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, игрой между хаосом и «хаосом, рождающим согласованность» (*chaos gendered consistent*) [ibid., p. 208].

В этом смысле и план «консистенции», «мыслящий хаосмос» критической жизни [ibid., p. 208], и гетеротопия Мишеля Фуко (Michel Foucault) — предполагаемый режим, наделяющий жизнь возможностями и неожиданностями, — подобны биологическому хранилищу тропического леса, в котором эволюционный потенциал находится в дремлющем состоянии. Подобно тому как птичий грипп и лихорадка Эбола требуют контакта человека с животными для возникновения гибридных супервирусов, так и взаимодействие человека с концепциями и их вибрационными и энергетическими полями — микрожизнью (*microvita*), по определению П. Саркара, — приводит к концептуальной гибридности, которая также действует как вирус [Sarkar, 1993; Bussey, 2010c]. Ж. Делёз и Ф. Гваттари четко обобщают это условие: «Мы создаем “ризому” с нашими вирусами или, скорее, наши вирусы вынуждают нас создавать “ризому” с другими животными. Как говорит Жакоб, переносы генетического материала с помощью вирусов или другие процессы — например, слияния клеток, происходящих от разных видов, — все это имеет результаты, аналогичные результатам “уродливых видов любви, столь дорогих для античности и средневековья”. Трансверсальные коммуникации между дифференцированными линиями перемещают генеалогические деревья. Всегда следует искать молекулярную или даже субмолекулярную частицу, с которой мы вступаем в альянс. Мы развиваемся и умираем от наших полиморфных и ризоматических гриппов больше, чем от наследственных болезней, которые сами обладают собственной наследственностью. “Ризома” — это антигенеалогия» [Deleuze, Guattari, 1987, p. 10–11].

CLA отображает ризоморфные соединения, создающие «уродливые виды любви», встречающиеся «на стыке» по аналогии с «исключенной серединой» Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Данный метод предлагает «частичные генеалогии» (*partial genealogies*) настоящего и контекст для вовлечения в социальное обучение. В двумерную (антигенеалогическую) природу «ризомы» вносится глубина. В соответствии с анализом концепции абсолютного и относительного, проводимым Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, такие генеалогии фрагментарны и зависимы. По их словам, «у всех концептов есть история, хотя она извилиста и при необходимости

пересекает другие проблемы и разные планы» [Deleuze, Guattari, 1994, p. 18]. «Линия ускользания» CLA также зигзагообразна, зависит от контекста и приводится в движение с помощью комплекса динамических воздействий, которые уникальны для рассматриваемого контекста социального обучения. Подобная среда требует восприимчивости к индивидуальному и коллективному голосу, находящемуся в диалоге и во взаимодействии с контекстом. Чтобы поместить голос в структуру, на входе CLA идентифицируются плоскости как координаты на карте реального мира и упорядочиваются в соответствии с мифо-поэтическими, парадигмо-эпистемологическими, системными, дискретными и фактическими аспектами. Благодаря упорядочению появляется синхронный момент во всей своей уникальности и условности, поскольку он пересекается со структурой [Galtung, Inayatullah, 1997]. В этом случае одновременно происходят утверждение настоящего и сопротивление ему.

Гибридная мощь CLA

CLA восприимчив к голосу, поскольку является инструментом толкования, предлагающим «частичную генеалогия» путем картирования причинных процессов, порождающих коллективную и индивидуальную трактовку контекста. Для раскрытия генеративной логики, доминирующих импульсов, «критической местности» (*critical terrain*) требуются как герменевтика, так и генеалогия, проливающие свет на различные способы создания реальности. Майкл Шапиро (Michael Shapiro), анализируя противоречия, присущие работе М. Фуко, наглядно разъясняет: «Генеалогические и герменевтические стратегии, таким образом, работают вместе. Во-первых, ассимилируя взгляды на подлинную ценность вещей, генеалогия раскрывает инвестирование в ценности, являющиеся частью процесса создания смыслов. Во-вторых, как только мир значений сформирован и оформлен в устойчивые смысловые системы, последние могут подвергаться сомнениям, и подобный “ценностный” вопрос приобретает уже герменевтическое, а не генеалогическое происхождение» [Shapiro, 1992, p. 46].

М. Шапиро подчеркивает различия между герменевтическими и генеалогическими вопросами. Эта разница важна для понимания CLA, гибридность которого позволяет рассматривать социальные аспекты с разных позиций. Как следствие, многослойный причинный анализ как постструктуралистский метод, обязанный своим появлением работам М. Фуко, может рассматриваться сквозь генеалогическую призму аналогично «ризоме» Ж. Делёза и Ф. Гваттари: «Как они образовались? Какие “линии ускользания” значимы?» и т. д. Одновременно задаются герменевтические вопросы: «Какой части опыта отдается предпочтение? Кто выигрывает от этой реальности, а кто проигрывает?».

В этом заключается гибридная мощь CLA. Вопросы, генерируемые CLA, можно трактовать как многослойные события, имеющие функциональную полезность, определяемую их горизонтально-ризоморфным контекстом: «ситуационные» (*fix-it*), системные, парадигматические и мифо-метафорические. В то же время взаимодействие между слоями, обеспечиваемое

вертикальным взглядом, представляет собой центральный элемент, который оживляет то, что является сухой академической деятельностью. Критическое становится структурно чувствительным, дискурсивным и зеркальным, открывая многочисленные точки входа и выхода.

Заключение

Мы рассмотрели метод многослойного причинного анализа в сопоставлении с концепцией «ризомы» Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Концепции имеют эффекты и, следовательно, применение и рефлексия обеспечивают их лучшее понимание. CLA может использоваться

в академической сфере как таксономия или в прикладных целях как процессный метод, где он выполняет педагогические функции в качестве критического посредника сбалансированного сознания (*liberatory consciousness*) и социального обучения (*social learning*). Тем самым любая изолированная проекция реальности подвергается сомнению, а «множественность», напротив, признается как творческая инверсия заданного контекста. Структура становится гибкой и открытой для трансформации, а действие располагается в структуре так, чтобы оспаривать и менять ее для лучшего отражения оптимальных текущих и будущих возможностей.

- Anyon J. (2009) *Theory and Educational Research: Toward Critical Social Explanation*. New York: Routledge.
- Apple M. (2004) *Ideology and curriculum*. London: Routledge, Falmer.
- Bussey M. (2002) *Critical Spirituality: Neo Humanism as Method* // *Journal of Futures Studies*. Vol. 5. № 2. P. 21–35.
- Bussey M. (2006) *Mapping Neohumanist Futures in Education* // *Neohumanist Educational Futures: Liberating the Pedagogical Intellect* / Eds. S. Inayatullah, M. Bussey, I. Milojevic. Taipei, Taiwan: Tamkang University Press. P. 7–24.
- Bussey M. (2008) *Embodied Education: Reflections on Sustainable Education* // *The International Journal of Environmental, Cultural, Economic and Social Sustainability*. Vol. 43. № 3. P. 139–147.
- Bussey M. (2009) *Six Shamanic Concepts: Exploring the Between in Futures Work* // *Foresight*. Vol. 11. № 2. P. 29–42.
- Bussey M. (2010a) *Education for Liberation* // *Understanding Prout: Essays on Sustainability and Transformation* / Eds. J. Karlyle, M. Towsey. Maleny, Australia: Proutist Universal. Vol. 1. P. 77–104.
- Bussey M. (2010b) *Microvita and Transformative Information* // *The Open Information Science Journal*. Vol. 3. P. 28–39.
- Bussey M. (2010c) *Resistance is Not Futile: Escaping the Integral Trap* // *Futures*. Vol. 42. № 2. P. 110–114.
- Bussey M. (2014) *Concepts and Effects: Ordering and Practice in Foresight* // *Foresight*. Vol. 16. № 1 (forthcoming).
- Bussey M., Bjurström Å.E., Sannum M., Shambushivananda A., Bernard M., Ceruto L., Denis M., Giri A.K., Mukherjee A., Pervyi G., Pineda M.V. (2012) *Weaving Pedagogies of Possibility* // *Learning for Sustainability in Times of Accelerating Change* / Eds. A.E.J. Wals, P.B. Corcoran. Wageningen, NL: Wageningen Academic Publishers. P. 77–90.
- Deleuze G., Guattari F. (1987) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London, New York: Continuum.
- Deleuze G., Guattari F. (1994) *What is Philosophy?* New York: Columbia University Press.
- Foucault M. (2005) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London, New York: Routledge.
- Galtung J., Inayatullah S. (eds.) (1997) *Macrohistory and Macrohistorians: Perspective on Individual, Social, and Civilizational Change*. Westport: Praeger.
- Giri A.K. (2006) *New Horizons of Social Theory: Conversations, Transformations and Beyond*. Jaipur: Rawat Publications.
- Giri A.K. (2011) *Gift of Knowledge: Knowing Together in Compassion and Confrontation* // *Sociological Bulletin*. Vol. 60. № 1. P. 1–6.
- Giroux H. (1988) *Teachers as intellectuals: Toward a critical pedagogy of learning*. Granby, MA: Bergin & Garvey Publishers.
- Hooks B. (1994) *Teaching to Transgress: Education As the Practice of Freedom*. New York: Routledge.
- Hutchinson F.P. (2005) *Mapping and Imagined Futures: Beyond Colonising Cartography* // *Journal of Futures Studies*. Vol. 9. № 4. P. 1–14.
- Inayatullah S. (2002) *Understanding Sarkar: The Indian Episteme, Macrohistory and Transformative Knowledge*. Leiden: Brill.
- Inayatullah S. (ed.) (2004) *The Causal Layered Analysis (CLA) Reader: Theory and Case Studies of an Integrative and Transformative Methodology*. Tamsui, Taiwan: Tamkang University Press.
- Inayatullah S. (2007) *Questioning the Future: Methods and Tools for Organizational and Societal Transformation* (3rd ed.). Taipei, Taiwan, Tamkang University.
- Kelly P. (2008) *Towards Globo Sapiens: Transforming Learners in Higher Education*. Rotterdam: Sense Publishers.
- Marin L. (1990) *Utopics: The Semiological Play of Textual Spaces*. Amherst, NY: Humanity Books.
- McLaren P. (2003) *Critical pedagogy in the age of terror* // *Critical theory and critical pedagogy today: Towards a new critical language in education* / Ed. I. Gur-Ze'ev. Haifa, Israel: University of Haifa. P. 69–94.
- Ramos J.M. (2003) *From Critique To Cultural Recovery: Critical Futures Studies and Causal Layered Analysis*. Melbourne: Australian Foresight Institute, Swinburne University of Technology.
- Sando J.S. (1998) *Pueblo Profiles: Cultural Identity through Centuries of Change*. Santa Fe, N.M.: Clear Light Publishers.
- Sarkar P.R. (1993) *Discourses on Tantra*. Vol. 1. Calcutta: Ananda Marga Publications.
- Sarkar P.R. (2010) *Microvita in a Nutshell*. Calcutta: AM Publications.
- Shapiro M.J. (1992) *Reading the Postmodern Polity: Political Theory as Textual Practice*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Causal Layered Analysis: Towards a Theory of the Multiple

Marcus Bussey

Lecturer in History and Futures, Faculty of Arts and Business, and Research Fellow, Sustainability Research Centre, University of the Sunshine Coast. Address: University of the Sunshine Coast, Locked Bag 4, Maroochydore DC, Queensland, 4558 Australia. E-mail: MBussey@usc.edu.au

Abstract

Causal layered analysis (CLA) is a key tool for Deep Futures approach, which is seen by numerous experts as a prospective trend in evolution of Foresight studies. It reveals hidden basic prerequisites for actual incidents thus providing an information basis for the making efficient decisions.

The paper considers the nature, features and possibilities of CLA drawing on the works of French philosophers Gilles Deleuze and Felix Guattari who offer the organic metaphor of the rhizome as a way to understand the hybrid and multiple nature of reality. In this relation it argues that CLA is a method of the multiple that offers a process-theory of knowledge that facilitates new becomings and alternative futures. It makes the case that agency and social learning are enhanced through understanding human contexts as

layered and dynamic. CLA is an ideal vehicle for articulating this insight and enabling futures practitioners in their work to empower stakeholders to realise their preferred futures.

Concepts have effects and therefore can be understood best through application and reflection. CLA's uses can be in the academic sphere as taxonomy or in the applied sphere as a critical facilitator of libratory consciousness and the social learning. Thus it treats any singular projection of reality with suspicion, instead embracing the plural as the creative inversion of given context. In this way structure becomes flexible and open to transformation whilst agency finds itself located in structure so as to critique and influence it in ways that make it more reflective of optimal current and future possibilities.

Keywords:

Foresight; causal layered analysis (CLA); method of the multiple; rhizome; context; stakeholders; transformation.

References

- Anyon J. (2009) *Theory and Educational Research: Toward Critical Social Explanation*, New York: Routledge.
- Apple M. (2004) *Ideology and curriculum*, London: Routledge, Falmer.
- Bussey M. (2002) Critical Spirituality: Neo Humanism as Method, *Journal of Futures Studies*, vol. 5, no 2, pp. 21–35.
- Bussey M. (2006) Mapping Neohumanist Futures in Education. *Neohumanist Educational Futures: Liberating the Pedagogical Intellect* (eds. S. Inayatullah, M. Bussey, I. Milojevic), Taipei, Taiwan: Tamkang University Press, pp. 7–24.
- Bussey M. (2008) Embodied Education: Reflections on Sustainable Education. *The International Journal of Environmental, Cultural, Economic and Social Sustainability*, vol. 43, no 3, pp. 139–147.
- Bussey M. (2009) Six Shamanic Concepts: Exploring the *Between* in Futures Work. *Foresight*, vol. 11, no 2, pp. 29–42.
- Bussey M. (2010a) Education for Liberation. *Understanding Prout: Essays on Sustainability and Transformation* (eds. J. Karlyle, M. Towsey), Maleny, Australia: Proutist Universal, vol. 1, pp. 77–104.
- Bussey M. (2010b) Microvita and Transformative Information. *The Open Information Science Journal*, vol. 3, pp. 28–39.
- Bussey M. (2010c) Resistance is Not Futile: Escaping the Integral Trap. *Futures*, vol. 42, no 2, pp. 110–114.
- Bussey M. (2014) Concepts and Effects: Ordering and Practice in Foresight. *Foresight*, vol. 16, no 1 (forthcoming).
- Bussey M., Bjurström Å.E., Sannum M., Shambushivananda A., Bernard M., Ceruto L., Denis M., Giri A.K., Mukherjee A., Pervyi G., Pineda M.V. (2012) Weaving Pedagogies of Possibility. *Learning for Sustainability in Times of Accelerating Change* (eds. A.E.J. Wals, P.B. Corcoran), Wageningen, NL: Wageningen Academic Publishers, pp. 77–90.
- Deleuze G., Guattari F. (1987) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, London, New York: Continuum.
- Deleuze G., Guattari F. (1994) *What is Philosophy?*, New York: Columbia University Press.
- Foucault M. (2005) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, London, New York: Routledge.
- Galtung J., Inayatullah S. (eds.) (1997) *Macrohistory and Macrohistorians: Perspective on Individual, Social, and Civilizational Change*, Westport: Praeger.
- Giri A.K. (2006) *New Horizons of Social Theory: Conversations, Transformations and Beyond*, Jaipur: Rawat Publications.
- Giri A.K. (2011) Gift of Knowledge: Knowing Together in Compassion and Confrontation. *Sociological Bulletin*, vol. 60, no 1, pp. 1–6.
- Giroux H. (1988) *Teachers as intellectuals: Toward a critical pedagogy of learning*, Granby, MA: Bergin & Garvey Publishers.
- Hooks B. (1994) *Teaching to Transgress: Education As the Practice of Freedom*, New York: Routledge.
- Hutchinson F.P. (2005) Mapping and Imagined Futures: Beyond Colonising Cartography. *Journal of Futures Studies*, vol. 9, no 4, pp. 1–14.
- Inayatullah S. (2002) *Understanding Sarkar: The Indian Episteme, Macrohistory and Transformative Knowledge*, Leiden: Brill.
- Inayatullah S. (ed.) (2004) *The Causal Layered Analysis (CLA) Reader: Theory and Case Studies of an Integrative and Transformative Methodology*, Tamsui, Taiwan: Tamkang University Press.
- Inayatullah S. (2007) *Questioning the Future: Methods and Tools for Organizational and Societal Transformation* (3rd ed.), Taipei, Taiwan, Tamkang University.
- Kelly P. (2008) *Towards Globo Sapiens: Transforming Learners in Higher Education*, Rotterdam: Sense Publishers.
- Marin L. (1990) *Utopics: The Semiological Play of Textual Spaces*, Amherst, NY: Humanity Books.
- McLaren P. (2003) Critical pedagogy in the age of terror. *Critical theory and critical pedagogy today: Towards a new critical language in education* (ed. I. Gur-Ze'ev). Haifa, Israel: University of Haifa, pp. 69–94.
- Sando J.S. (1998) *Pueblo Profiles: Cultural Identity through Centuries of Change*, Santa Fe, N.M.: Clear Light Publishers.
- Sarkar P.R. (1993) *Discourses on Tantra* (vol. 1), Calcutta: Ananda Marga Publications.
- Sarkar P.R. (2010) *Microvita in a Nutshell*, Calcutta: AM Publications.
- Shapiro M.J. (1992) *Reading the Postmodern Polity: Political Theory as Textual Practice*, Minneapolis: University of Minnesota Press.